

ШЕПОТ ИЗ ПУСТОТЫ

Сборник леденящих душу историй

Николас Эшфорд

Николас Реймонд Эшфорд

Шепот из пустоты

«Автор»

2026

Эшфорд Н.

Шепот из пустоты / Н. Эшфорд — «Автор», 2026

Откройте эту книгу — и услышите шёпот из пустоты. Пятнадцать историй, которые не отпустят вас до самого рассвета. Это не просто рассказы: это двери в мир, где реальность трескается, как старая штукатурка, а из щелей тянет могильным холодом. Здесь говорят тени за вашей спиной, оживают детские страхи, а предметы в тёмной комнате меняют очертания. Каждая глава — шаг в бездну, где привычная логика перестаёт работать, а кошмар становится единственной правдой. Готовы ли вы узнать, что прячется по ту сторону тишины?

© Эшфорд Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Колодец теней	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Николас Реймонд Эшфорд

Шепот из пустоты

Глава

Оглавление

Колодец теней
Голос за спиной
Дом глухих
Кукла из чулана
Свидетель пустоты
Мёртвый эфир
Красная дверь
Плач в дождь
Гнездо
Зубная фея
Тот, кто ждёт в зеркале
Поезд в никуда
Безликие
Чёрная колыбельная
Тишина

Колодец теней

Посёлок Красные Сосны умирал давно и неспешно, как умирает старый зверь, укладывающийся в мох и постепенно вращаясь в землю. Дорогу к нему размывало каждую осень, зимой замело под крышу, а весной на единственном мосту через речку Мшару вздувались и лопались брёвна. Почтальон приезжал раз в две недели на убитом УАЗе, бросал газеты и квитанции в ржавый ящик на окраине и спешил убраться засветло. Электричество подавали по четыре часа в сутки — с шести до десяти вечера, — да и то генератор на старой дизельной станции чихал и плевался сизым дымом, грозя вот-вот заглохнуть окончательно.

В посёлке оставалось шестнадцать дворов, и почти все — старики. Детей не было вовсе, а те, кто помоложе, уехали в город ещё в девяностых, когда закрыли леспромхоз. Дома стояли чёрные, крытые рубероидом, с заколоченными окнами и покосившимися заборами. Даже собаки здесь не лаяли — то ли передохли, то ли сбежали в леса, почуяв что-то такое, чему названия нет.

Единственным новым строением был дом смотрителя. Его поставили три года назад на южном краю посёлка, в низине, где раньше располагался старый колодец. Местные говорили: не надо бы там строиться, земля дурная, вода горькая. Но чиновник из районной администрации, толстый мужчина в мятом костюме, только отмахнулся и подписал бумаги. Ведомственная необходимость, сказал он. Статус объекта. А какой объект — не объяснил.

В доме поселился Павел. Павел Ильич Круглов, сорок два года, бывший инженер-геодезист, а ныне — смотритель государственного резервуара глубинного залегания. Так было написано в его трудовом договоре. На деле же он просто должен был раз в три дня спускаться в шахту, проверять показания датчиков и докладывать по спутниковому телефону, что всё в норме.

Что именно находилось под землёй, Павел не знал. Ему сказали: резервуар законсервирован, подземные воды стабильны, радиационный фон в норме. Оборудование шахты автономно. Работа спокойная, почти курортная. Платили хорошо — сто двадцать тысяч в месяц, и ещё северные надбавки. Павел согласился, потому что устал от людей. После развода, после потери работы, после того, как старые друзья перестали звонить, ему хотелось одного: тишины.

Тишину он получил сполна.

Шахта находилась в полусотне метров от дома. Вход был устроен в бетонном кубе, похожем на бункер — приземистое строение без окон, с единственной стальной дверью, запиравшейся на электронный замок. Ключ-карту Павлу выдали вместе с инструкцией: не терять, не размагничивать, в случае утери немедленно звонить. Он не терял.

Внутри бункера пахло железом, сыростью и чем-то химическим — не то формалином, не то старым машинным маслом. Стены были выкрашены в казённый зелёный цвет до половины, а выше белела побелка, уже пожелтевшая и потрескавшаяся. Под потолком гудели лампы дневного света, две из трёх мерцали, вызывая резь в глазах. Пол устилали рифлёные металлические листы, гулко отзывавшиеся на каждый шаг.

Шахтный ствол уходил вниз на сто сорок метров. Лифта не было — только винтовая лестница из арматурной стали, приваренная к стенам. Ступени были узкие, скользкие от конденсата, и каждый спуск напоминал путешествие в чрево какого-то гигантского механического зверя. Перила дрожали под рукой. Где-то в глубине капала вода — мерный, ритмичный звук, от которого по спине бежали мурашки.

На дне шахты располагался технический зал — круглая камера диаметром метров десять, освещённая аварийными светильниками. В центре, на бетонной подушке, стояли насосы, манометры и два герметичных люка, ведущих в сам резервуар. Люки были заварены наглухо. Свар-

ные швы покрывал толстый слой эпоксидной смолы, по которой расплывались белёсые разводы — словно изнутри на них что-то давило.

В первый свой обход Павел долго стоял перед этими люками. Он пытался представить, что там, за сталью и смолой. Подземное озеро? Затопленная штольня? Хранилище отработанного ядерного топлива? Воображение рисовало огромную чёрную полость, заполненную неподвижной водой, в которой плавают, медленно поворачиваясь, обломки каких-то конструкций. Ему стало не по себе, и он заставил себя отвернуться.

Показания приборов были в норме. Температура воды на входе и выходе, давление, уровень pH, мутность — все цифры укладывались в зеленую зону допусков. Он записал их в журнал, вызвал по спутниковому телефону базу и произнёс стандартную фразу:

— Резервуар стабилен. Отклонений нет.

В трубке что-то щёлкнуло, и бесцветный женский голос ответил:

— Принято. Следующий сеанс согласно графику.

И всё. Больше никто с ним не говорил. Никто не спрашивал о самочувствии, о погоде, о том, как он тут один. Он был просто голосом, подтверждающим, что подземная пустота остаётся пустотой.

В первые недели его это устраивало. Он спал до полудня, читал старые журналы, найденные в доме, топил печь и гулял по окрестностям. Лес подступал к посёлку вплотную — мрачный, замшелый, полный странных звуков. Иногда ему казалось, что между деревьями мелькают чьи-то фигуры, но когда он вглядывался, оказывалось, что это просто тени ветвей или игра света. Он убеждал себя, что одиночество начинает давить на психику, и старался больше бывать на воздухе.

Ночами, впрочем, было тяжелее. Ветер завывал в печной трубе, половицы скрипели, будто по ним кто-то ходил, а в подполе что-то шуршало. Мыши, говорил себе Павел. Обычные мыши. Но мыши не стучат — тихо, три раза, с равными промежутками, словно просят впустить.

Однажды он проснулся оттого, что стук стал громче — и доносился не из-под пола, а из стен. Он сел на кровати, вслушался. Тишина. Только сердце колотится в груди. А потом — снова: тук. Тук. Тук. Где-то внутри бревенчатой перегородки, на уровне его головы.

Он не спал до рассвета, сжимая в руке топорик для колки дров. Утром осмотрел стену — никаких следов, никаких отверстий. Цельная древесина, старая, но крепкая. Стук он списал на перепады температуры.

Но через неделю стук вернулся. Теперь он стал ритмичнее, осмысленнее. Будто кто-то передавал сигнал азбукой Морзе: три коротких, три длинных, три коротких. SOS. Павел засмеялся нервным смехом и включил на полную громкость приёмник, ловивший только «Радио России». Сквозь помехи диктор бубнил о надоях и посевной. Человеческий голос немного успокаивал.

Местные старухи поглядывали на него с опаской, но иногда заговаривали. Особенно одна — баба Нюра, древняя, с лицом, похожим на печёное яблоко. Она жила в покосившейся избушке на отшибе и, казалось, знала всё про каждого, кто когда-либо ступал на эту землю.

Как-то в конце октября, когда небо затянуло низкими тучами, а воздух стал колючим и влажным, Павел встретил её у колонки. Баба Нюра набирала воду в оцинкованное ведро и, не глядя на него, проговорила:

— Зря ты туда ходишь.

Павел, крутивший вентиль своего ведра, замер.

— Куда?

— Туда, — старуха мотнула головой в сторону шахты. — В нору эту. Нечего там доброму человеку делать. Не для людей она.

— Я работу работаю, бабушка, — миролюбиво ответил Павел. — Ничего страшного, приборы проверяю.

— Приборы твои врут, — отрезала она. — Они тебе одно кажут, а на деле другое. Глубь-то не пустая. Она глядит.

Павел хотел отшутиться, но что-то в голосе старухи заставило его промолчать. Он подхватил вёдра и пошёл к дому. В спину ему донеслось:

— В старом колодце-то тоже вода сначала горькая была, а потом вовсе чёрная пошла. А после того, как колодец засыпали, голоса из-под земли слышать стали. Тот, кто слушает, — не возвращается.

Вечером он сидел за столом и перебирал в памяти её слова. Старый колодец. Дом смотрителя действительно построили на его месте — он видел остатки сруба, когда рыли котлован под фундамент. Но разве можно сравнивать какой-то деревенский колодец с глубинной инженерной конструкцией, уходящей на сотню с лишним метров в скальные породы? Глупости. Фольклор. Старушечьи сказки.

Чтобы отвлечься, он взял журнал — потрёпанный номер «Техники — молодёжи» за восемьдесят шестой год — и пролистал до статьи о подземных водоносных горизонтах. Там рассказывалось о карстовых пустотах, о подземных реках, о целых озёрах, скрытых в толще земли. «Представьте себе, — писал автор, — миллионы кубометров воды, миллионы лет запёртые в каменных мешках, не видевшие солнечного света, не знавшие течений. Мёртвая вода. Вода, которая помнит».

Последняя фраза ему не понравилась. Вода, которая помнит — что? Он захлопнул журнал и включил свет. Свет замигал и погас. Генератор отключился раньше обычного. За окнами сгустилась такая плотная темнота, что стёкла, казалось, были залиты чёрной краской. Он на ощупь нашёл свечу, зажгёт. По бревенчатым стенам заматались тени.

Тук. Тук. Тук.

На этот раз стучало под полом, прямо под его стулом. Он вскочил, опрокинув свечу. Она покатилась по полу, огонёк затрепетал и погас. Павел остался в кромешной тьме, и в этой тьме стук превратился в явственный, отчётливый звук — будто снизу, из земли, в половицы били кулаком. Или ладонью. Или многими ладонями сразу.

А потом наступила тишина — такая глубокая, что он услышал, как в ушах звенит кровь. И в этой тишине из-под половиц донёсся голос. Шёпот. Множество голосов, сплетённых в один.

— Па-ша... Па-ша...

Он не помнил, как выбежал из дома. Очнулся на крыльце, босой, в одном свитере, дрожащий от холода и ужаса. Вокруг стоял густой туман, в котором тонули деревья и заборы. Ветра не было. Звёзд не было. Только туман, молчаливый и равнодушный.

Он просидел на крыльце до рассвета, прижавшись спиной к двери. Солнце взошло мутное, негреющее, едва пробившееся сквозь серую пелену. Павел вернулся в дом, оделся, выпил водки и попытался взять себя в руки. «Переутомление, — убеждал он себя. — Сенсорная депривация. Монотония. Это всё научно объяснимо. Мозг в условиях изоляции генерирует слуховые галлюцинации. Так бывает у полярников, у подводников. Обычное дело».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.